

Э. Ф. ГОЛЛЕРБАХУ

26 октября 1918

До какого предела мы должны любить Россию? ...до истязания; до истязания самой души своей. Мы должны любить ее до «наоборот нашему мнению», «убеждению», голове. Сердце, сердце, вот оно любовь к родине — чревная. И, если Вы встретите Луначарского, ищите в нем тени русской задумчивости, русского странствия по лесам и горам; и так, любите русского человека «до социализма», понимая всю глубину социальной пошлости и социальной «братьство, равенство и свобода». И вот, несите «зnamя свободы», эту омерзительную красную тряпку, как любил же Гоголь Русь с ее «ведьмами», с «повитчик кувшинное рыло», только надписав «моим горьким смехом посмеются»; неужели и он, хохол и, след., чуть-чуть инородец, чуть-чуть иностранец, как и Гельфердинг, и Даль, Востоков — имеют право больше любить Россию, крепче любить Россию, чем великоросс? Целую жизнь я отрицал тебя в каком-то ужасе, но ты предстал мне теперь в *своей полной истине*. Щедрин, беру тебя и благословляю. Проклятая Россия, благословенная Россия. Но благословенна именно на конце. Конец, конец, именно — конец. Что делать: гнило, гнило, гнило. Нет зерна — пусто, вонь; нет Родины, пуста она. Зачеркнута, небытие. Не верь, о, не верь небытию, и — никогда не верь. Верь именно в бытие, только в бытие, в одно бытие. И когда на месте умершего *вонючее пустое место с горошинку*, вот тут-то и *зародыш, воскресение*. Не все ли умерло в Гоголе? Но все *воскресло* в Достоевском. О, вот тайна мира, тайна морального «воскресения», с коим совпадает онтологическое космогоническое воскресение. Египет, Египет... как страшны твои тайны. Зову тебя, зову... умерло зерно, и дало *росток сам-шест*. Никакого *уныния* — о, никакого *уныния*. «Сам-шест, помни единое языческое сам-шест Деметры». Прозерпина ищет дочь свою. Ее «похитил Аид». Боже, вот разгадка *ада*. Какая истина в мифах древности. Кóра в объятиях Аида! Душа, где она? В преисподней. «Душа русская в революции». Где? Нет ее! Будем искать Кору, как помертвела от страха и тоски Прозерпина. Зерно — о, как оно *морально*. В зерне ли мораль? Ведь растение «не чувствует». Не ползает, не бегает. И вдруг зерно-то и открывается, что оно-то и есть ноумен не только *онтологии*, но и вместе, что этот онтологический ноумен совпадает и *единое есть с моральным*.

Феникс «через 500 лет воскресающий» — Египет, мне страш-

но тебя. Ты один все понял... О, старец... Священный Ибис, священный Апис...

«После Гоголя и Щедрина — Розанов с *его молитвою*. Ах, так вот где суть... Когда зерно сгнило, уже сгнило: тогда на этом ужасающем «уже», горестном «уже», слезном «уже», что оплакано и представляет один *ужас небытия и пустоты*, полного — становится безматериальная *молитва*...

Ведь в молитве нет никакой *материи*

Ни какого нет *строения*

Построения

Нет даже *черты, точки...*

Именно —

Тайна —

в *его тайне.*

Чудовищной, неисповедимой.

Рыло. Дьявол.

Гоголь. Леший.

Щедрин. Ведьма.

Тьма истории.

Всему конец.

Безмолвие. Вздох.

Молитва. Рост.

«*Из отрицания — Аврора, Аврора с золотыми перстами*». Ах! так вот откуда в Библии так странно, «концом наперед», изречено: «и быть вечер (тьма, мгла, смерть) и быть утро — *День первый*». Разгадывается *Религия*, разгадываются построения и *История*.

Строение *Дня...*

и вместе устройство *Mира*.

Боже, Боже... Какие тайны. Какая судьба.

Какое *утешение*.

А я то скорблю, как в *могиле*. А эта могила и есть *моё Воскресение...*

Д. С. МЕРЕЖКОВСКОМУ

•
<Декабрь 1918>

Дорогой, дорогой, милый, Митя, Зина и Дима! В последней степени склероза мозга, ткань рвется, душа жива, цела, сильна!

Безумное желание кончить «Апокалипсис», «Из восточных мотивов» и издать «Опавшие листья», и все уже готово, сделано, только распределить рисунки «Из восточ. мотивов», но это никто не может сделать. И рисунки все выбраны. Лихоимка судьба свалила Розанова у порога. Спасибо, дорогим, милым, за